

БРИТАНИЯ И БРИТАНЦЫ КАК ФИГУРЫ УМОЛЧАНИЯ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Аннотация: Статья посвящена выяснению причин, по которым Л.Н. Толстой в своём романе «Война и мир» допустил важное умолчание – практически ничего не сказал о роли Британии и британцев в событиях эпохи наполеоновских войн. Сделан вывод о том, что это объясняется принципиальной позицией Толстого. Выработанная им, на основании осмысления богатого идейного опыта Западной Европы, уникальная философия побудила его исключить из описания начального периода наполеоновских войн Британию, как страну, имевшую наибольшее влияние на Россию. С точки зрения писателя, такое подавляющее влияние искажает самобытный путь развития России. В романе существуют и образы британцев, или русских людей, воспитанных «на английский манер», но они сознательно нарисованы чёрными красками. Британец для Толстого – пример человека, изуродованного механистической бездушной цивилизацией. Таким образом, роман «Война и мир» – это качественно новый уровень критического осмысления русским сознанием западноевропейского (в частности, британского) идейного опыта на переломном этапе развития России.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, эпоха наполеоновских войн, роман Л.Н. Толстого «Война и мир», образы Британии и британцев в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», английская философия XVIII – XIX вв., восприятие западноевропейского идейного опыта в России второй половины XIX в.

Об авторе: Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (МПГУ). 117437, г. Москва, ул. Островитянова, д. 9, корп. 4, кв. 61. arkigolkin@yandex.ru.

В декабре 1863 г. Л.Н. Толстой задумал роман, внешней событийной канвой которого была бы история участия России в наполеоновских войнах 1805–1812 гг. Первые подступы Толсто-

го к этой теме относятся к завершению 1850-х гг. Тогда он хотел создать книгу о декабристах. Начало, как известно, было такое. Вернувшийся из Сибири в Москву после амнистии 1856 г. декабрист Пётр Иванович Лабазов (будущий Пьер Безухов; возможный прототип – кн. С.Г. Волконский) с удивлением встречается со светским обществом, покинутым им 30 лет назад. Советский искусствовед, историограф и археолог А.А. Формозов отмечал: «это очень характерный для всего творчества Толстого образ естественного человека, поневоле втянутого в конфликт со лживым обществом» [16: 218].

Написав первые главы, Толстой понял, что нельзя обойти молчанием предысторию декабризма, особенно период Отечественной войны 1812 г. Так появилось заглавие «Три поры» – замысел произведения о событиях 1812, 1825 и 1856 гг. Но, отступив к 1812 г., автор не остановился. По собственному признанию, ему казалось стыдным начать со времени «нашего торжества», не упомянув и о периоде «позора», т.е. о неудачной кампании 1805 г. [цит. по: 16: 219]. Историк литературы А.Е. Грузинский обратил внимание на следующее обстоятельство: в первоначальном замысле «...вся теперешняя "Война и Мир" являлась только одной частью и должна была дополняться всей историей декабризма от восстания до амнистии его участников спустя 30 лет. При этом, обещая провести своих героев и героинь через столько лет, автор предупреждал, что ни в одной из этих эпох он не предвидит развязки отношений между лицами и будет заботиться о том, чтобы каждая часть этого сочинения имела самостоятельный характер» [3: 4].

Толстой проработал огромное количество литературы (начиная с научных исторических трудов и заканчивая романами), посвящённых интересующей его эпохе. Писатель так хорошо и психологически верно изобразил жизнь русского дворянского общества в эпоху борьбы с Наполеоном, что его эпопея надолго стала и до сих пор остаётся непревзойдённым образцом художественной исторической романистики.

Правда, изучал он источники весьма избирательно. Сотрудник Чертковской библиотеки Н.П. Петерсон, вспоминал, как подбирал для Толстого материалы о купеческом сыне М.Н. Верещагине, растерзанном толпой по приказу генерал-губернатора гр. Ф.В. Ростопчина в момент оставления Москвы русскими войсками. Когда подборка была закончена, и библиотекарь сообщил об этом Толстому, тот ответил, что книги ему не нужны, ибо он уже воссоздал для себя этот эпизод, воспользовавшись рассказом одного старика-очевидца, сидящего ныне в доме умалишённых (этот сумасшедший фигурирует в черновиках романа). Основным исторический консультант Толстого – издатель журнала «Русский архив», который писатель очень ценил, П.И. Бартенев – утверждал, что автор «Войны и мира» не столько изучал эпоху, сколько «захлёбывался воображением» [16: 227]. В письмах к жене во время работы над романом Толстой часто жаловался: обилие письменных источников подавляет его, мешает творческой фантазии [16: 221].

Почему же это происходило? Известно, что Толстой с юношеских лет был недоволен не только тем, как история преподаётся в гимназиях и университетах, но и самой её методологией. Его не удовлетворяла описательность, голая фактология, нежелание историков увидеть за событиями борьбу добра и зла в душе каждого человека и в обществе в целом. Убедившись на опыте в том, что источники, а ещё более исторические произведения, часто лгут или противоречат друг другу, он записал 17 декабря 1853 г. в дневнике: «Каждый исторический факт необходимо объяснить человечески и избегать рутинных исторических выражений. Эпиграф к Истории я бы написал: "Ничего не утаю". Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно – умалчивая» [цит. по: 16: 216]. (В данном случае перефразирован афоризм Цицерона: «Первая задача истории – воздерживаться от лжи, вторая – не утаивать правды, третья – не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности»)[цит. по: 2: 27].)

Ещё в 1867 г. у Толстого возникла мысль написать для «Русского архива» статью «О тщете исторических разысканий». Формозов полагал, что, возможно, именно этот замысел отразился в дневниковой записи 1870 г.: «если трудно понять одного человека, то насколько сложнее правдиво рассказать о жизни миллионов. Очевидно, для этого нужны вовсе не учёные исследования, а любовь к людям, история-искусство. Это вариации на тему о том, что интерес истории не в фактах, а в философии. Она же, как правило, ложная» [16: 243]. По мнению Формозова, подобные мысли появились у Толстого в результате чтения сочинений знаменитого немецкого философа-иррационалиста А. Шопенгауэра, под влиянием которого он пришёл к убеждению о том, что история – это область знания, не ставшая подлинной наукой [16: 243]. Но «...Толстой не просто отбрасывал историю как ненужную область человеческих знаний, а мечтал о более совершенных формах её передачи и понимания. Пути к этому он искал не в развитии исследовательских методов, критики источников, анализе, а в использовании приёмов искусства. <...> ...Толстой, как правило, шёл не от анализа документов и зафиксированных в них фактов, а от психологии человека. Шёл путём художника, а не учёного и часто одерживал победу. <...> Может быть, стоит подчеркнуть тяготение Толстого к мифопоэтическому сознанию, столь определённо выраженному в классическом эпосе. Недаром он сам ставил "Войну и мир" в один ряд с "Илиадой" и "Одиссеей"» [16: 245, 247]. (Так, например, Е.В. Тарле, говоря о Пушкине, называл его «высокоталантливым историком-неспециалистом». И добавлял: такие люди появляются несравненно реже, чем специалисты-историки, которых «...есть на свете даже больше, чем надо» [12: 220].)

Мировая литература знает много страстных инвектив против бессилия истории, историков и вообще человека познать истину. Как правило, такие произведения появляются в переломные эпохи, когда общество в лице представителей культуры (ранимых, психологически незащищённых и рефлексирующих личностей) начинает мучительно искать новые пути развития.

Это общеевропейская тенденция, примеры которой нетрудно найти в Англии и во Франции XVII–XVIII вв. Русская дотолстовская литература (например, роман И.А. Гончарова «Обломов» [1-я публ. – 1859 г.]) тоже даёт нам примеры таких рассуждений. Но для своего времени Толстой, с предельной честностью, громко и остро потребовавший обсуждения вечных вопросов человеческого бытия, стал пророком и с тех пор эти вопросы существуют в его формулировке.

Все принципиальные установки Толстого в полной мере были применены им при создании романа «Война и мир». Публикация книги (её первая часть вышла под названием «1805 год») началась в журнале «Русский вестник» в 1865 г. Сочинение Толстого сразу же вызвало к себе повышенное внимание публики, потом так происходило с каждым его следующим произведением вплоть до конца жизни прославленного автора.

Роман уже неоднократно и с разных позиций подвергался исторической критике. Это делали историки, литературоведы и писатели, причём в числе последних были как противники толстовского творческого метода, так и сторонники, писавшие по законам «Войны и мира», например, Ю.К. Олеша [8: 366]. Нет никакой необходимости делать это ещё раз. Целью моего исследования является выяснение причин, по которым Толстой допустил важное умолчание – практически ничего не сказал о роли Британии и британцев в событиях эпохи наполеоновских войн. Тогда как любой читатель, мало-мальски знакомый с историей этого периода, знает: главным врагом Франции была именно Британия – создательница почти всех антифранцузских коалиций и основной партнёр любого противника (в т.ч. и России) Французской революции или императора Наполеона I.

Действительно, в тексте романа Британия и британцы упоминаются всего три-четыре раза, не больше. Но как они упоминаются? При чтении этих отрывков складывается впечатление, что Британия была тогда противником России, а не союзником. Это, конечно, сделано осознанно. Знаток толстовского наследия писатель, критик и литературовед В.Б. Шкловский

напоминал: «Думал и думаю сейчас, что "Война и мир" – роман политический, что там дело идёт о Крымской кампании. И Наполеон III – истинный враг Толстого, истинная его цель в нападении» [18: 461]. (Формозов также полагал: «Война и мир» – «это – прошлое, но не далёкое, а ещё живое, болезненное и волнующее» [16: 221]). По мнению Шкловского, Толстой писал о войне, в которой Британия вместе с Францией и с мусульманской Османской империей напали на их бывшего союзника, великую христианскую державу – Россию. Следовательно, речь идёт не просто о военном конфликте, а о войне цивилизаций и мировоззрений.

Если это так, то можно ли утверждать, что Толстой был убеждён: в подобном противостоянии Британия всегда была и будет не просто принципиальным противником России, но её антиподом, анти-Россией?

«Англия со своим коммерческим духом...».

Негативные образы Британии и британцев в романе

Как писал выдающийся советский литературовед Г.А. Лесскис, «судьба Англии Толстого в "Войне и мире" не занимает. Он как бы игнорирует то обстоятельство, что "западная" Англия, в которой "прогресс" обнаруживался тогда наиболее очевидно и которую сам Толстой разоблачал ещё в "Люцерне"¹,

¹ В одном из первых толстовских рассказов «Люцерн» (1-я публ. – 1857 г.) полемически сталкиваются темы живого народного духа (пение бедного тирольца) и самодовольства механистической цивилизации – преуспевающих сытых англичан, не желающих подать мелкую монетку нищему и третирующих его. – *Толстой Л.Н.* Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн // *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в двенадцати томах / Под общ. ред. С.А. Макашина и Л.Д. Опульской; сост. Л.Д. Опульской. Т. II. Повести и рассказы. М., 1984. С. 185-209. «...В "Люцерне" едва ли не впервые в литературе было изображено, как капиталистический прогресс отчуждает человека от музыки, поэзии, природы и человечности, тем самым убивая его как человека. <...> Что же до... богатых англичан, то Толстой в "Люцерне" их жалеет, точно

оказалась союзницей "восточной" России. В "Войне и мире" Франция стала для Толстого олицетворением западного мира и революции, а Россия – мира восточного и патриархального» [7: 406-407]. Моё понимание отношения Толстого к Востоку (на примере образа Долохова) я изложу ниже, а здесь хочу обратить внимание на то, что утверждение Лесскиса в одинаковой степени верно и не верно. Действительно, в романе, на первый взгляд, Англия является фигурой умолчания. Но такая «неправильная» позиция автора побуждает проанализировать данную проблему подробнее.

Нет, Толстой совсем не умалчивает об Англии. Более того, с первых же страниц романа задано резко отрицательное отношение к этому государству. Во время беседы блестящего и пустого аристократа князя Василия Сергеевича Курагина с фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны (матери императора Александра I) Анной Павловной Шерер в июле 1805 г. заходит разговор о создании третьей антифранцузской коалиции, организаторами и самыми деятельными участниками которой были Россия и Англия. Для подготовки договора в Лондон был послан ближайший сотрудник и личный друг императора, член «Негласного комитета» Н.Н. Новосильцев (Новосильцов). Принципиально важная конвенция, заключённая с британским премьер-министром У. Питтом Младшим 30 марта/11 апреля 1805 г., станет основой не только этой, но и всех последующих коалиций [9: 18-23]. В июне её ратифицировал английский король Георг III, месяцем позже (т.е. в июле 1805 г., когда начинается действие романа) – Александр I (за исключением не вошедшей в акт ратификации статьи об освобождении о. Мальта, незаконно, с точки зрения Петербурга, занятой англичанами ещё в 1800 г.). Многие современники оценивали тогда этот документ как «более обширный и многозначительный по своему содержа-

так же, как он жалеет певца и, пожалуй, даже больше, чем певца, потому что, с его точки зрения, богатые англичане гораздо в большей мере, чем бедный певец, страдают от умерщвляющей всякую человечность английской "несообщительности"» [18: 316-317].

нию» из всех договоров, когда-либо соединявших державы против Франции [15: 204]. Тем не менее, Толстой устами Шерер (в черновиках романа специально подчёркнуто: она живёт и мыслит только умом своей высокой покровительницы [5: 15]) говорит о том, что поездка Новосильцева в Лондон окончилась безрезультатно и Англия проявила эгоизм, отказавшись эвакуировать войска с Мальты.

Более того, читателю даётся принципиальная установка: Англия всегда ведёт себя предательски, даже когда дело касается блага всей Европы – борьбы против последней головы «гидры революции» – Наполеона. «В середине разговора про политические действия Анна Павловна разгорячилась». Она отказывалась верить в то, что союзники (Австрия, Англия и Пруссия) искренне и деятельно поддержат Россию. «Россия одна должна быть спасительницей Европы. <...> На кого нам надеяться, я вас спрашиваю?.. Англия со своим коммерческим духом не поймёт и не может понять всю высоту души императора Александра. Она отказалась очистить Мальту. Она хочет видеть, ищет заднюю мысль наших действий. Что они сказали Новосильцову?.. Ничего. Они не поняли, они не могут понять самоотвержения нашего императора, который ничего не хочет для себя и всё хочет для блага мира. И что они обещали? Ничего. И что обещали, и того не будет!» [14: т. 1: 7].

Такая идейная заданность сцены в салоне появилась уже в самом первом варианте романа [5: 14; 10: 72]. Но если в ней мы ещё можем уловить нотку иронии автора по поводу изрекаемых Шерер высокопарных истин («быть энтузиасткой сделалось её общественным положением»), то дальше мысль о предательском характере политики Англии усиливается и развивается.

При описании кутежа гвардейских офицеров с участием английского моряка Стивенса автор изображает его (крайне скупое, но тут важен не человек, а образ, причём образ намеренно стереотипный – представитель «нации мореходов» с широко

распространённой в Англии фамилией²), а также холодного и жестокого семёновского офицера (известного игрока и бретёра) Фёдора Ивановича Долохова (о нём подробнее будет сказано ниже) как организаторов зловещего пари. Долохов должен сыграть в самоубийственную игру – выпить бутылку рома, сидя на покато́м выступе стены за окном третьего этажа и не держась при этом за края окна. Игра, к ужасу присутствовавших, началась. «Англичанин, выпятив вперёд губы, смотрел сбоку». Долохов смог выполнить условие смертельного пари и Стивенс, с интересом наблюдавший за опасной игрой («стоял впереди всех», потом «ловко поймал» брошенную ему пустую бутылку), молча отсчитал 50 золотых имперIALов [14:т. 1: 42-46]. Аллегория здесь более чем ясна: Англия сознательно горячит кровь храбрецов, а после покупает их, чтобы использовать в своих интересах. Это легко укладывалось в сознании русского читателя, пережившего «предательство» бывшей союзницы, которая, как считали в России, разожгла пожар Крымской войны (газеты и журналы того времени пестрели выражениями: «коварный Альбион», «современный Карфаген», «англичанка гадит» и т.д.), втянув в него столько держав и народов.

Подготовив читателя к такому восприятию, автор вкладывает в уста одного из самых симпатичных своих героев (Пьера Безухова – пока ещё он ярый бонапартист, но в 1812 г. таковым

² В черновиках романа данный персонаж описан более подробно, хотя и лишён фамилии. «Весьма серьезный (так в тексте. – *А.О.*) англичанин, выдававший себя за путешественника, сказал, что он полагал, по дошедшим до него сведениям, что русские гораздо сильнее пьют, чем он это нашёл на деле. Он говорил, что в России пьют только шампанское, а что ежели пить ром, то он предлагает пари, что выпьет больше всех присутствующих. Долохов, тот офицер, который больше всех выиграл в тот вечер, сказал, что просто о бутылке рома не стоит держать пари, а что он вызывается выпить её, не отводя её ото рта и сидя на окне третьего этажа со спущенными наружу ногами». Этот «...англичанин, которого видали в Петербурге в самых разнообразных обществах...», явно описан автором как шпион [10: 106].

быть перестанет, желая убить своего бывшего кумира) слова о необходимости разгромить Англию и уничтожить её выдающихся государственных деятелей. «...Пьер ходил по своей комнате, изредка останавливаясь в углах, делая угрожающие жесты к стене, как будто пронзая невидимого врага шпагой, и строго взглядывая сверх очков и затем вновь начиная свою прогулку, проговаривая (в черновике: приговаривая. – *А.О.*) неясные слова, пожимая плечами и разводя руками.

– *L'Angleterre a vécu*, – проговорил он, нахмуриваясь и указывая на кого-то пальцем. – *M. Pitt comme traître à la nation et au droit des gens est condamné à...*³. – Он не успел договорить приговора Питту, воображая себя в эту минуту самим Наполеоном и вместе со своим героем уже совершив опасный переезд через Па-де-Кале и завоевав Лондон, – как увидел входившего к нему молодого, стройного и красивого офицера» [14: т. 1: 69-70]. Его размышления прервал приход Бориса Друбецкого. Пьер после неудачного начала знакомства заговорил с ним о политике: «Ну, что вы думаете о Булонской экспедиции?»⁴ Ведь англичанам плохо придётся, ежели только Наполеон переправится через канал? Я думаю, что экспедиция очень возможна. Вильнёв бы не оплошал!» [14: т. 1: 70-71]. Борис сначала не поддерживает разговор о политике, ему важно уверить Пьера в своей полной незаинтересованности в получении наследства умирающего старого графа Безухова (на самом деле это не так). Но, добившись желаемого, он изменил ход беседы и задал Пьеру вопрос о возможности высадки армии Наполеона в Англии. «Пьер понял,

³ «Англии конец... Г-н Питт, как изменник нации и народному праву, приговаривается к...» (*франц.*).

⁴ Булонская экспедиция – план вторжения французской армии на Британские о-ва. После начала войны третьей коалиции с Францией в сентябре 1805 г. Булонский лагерь был снят и войска отправлены в Баварию для противодействия наступающим австрийцам. В октябре 1805 г. соединённая франко-испанская эскадра под командованием контр-адмирала П.-Ш. де Вильнёва была разгромлена вице-адмиралом Г. Нельсоном в сражении при Трафальгаре.

что Борис хотел переменить разговор и, соглашаясь с ним, начал излагать выгоды и невыгоды Булонского предприятия» [14: т. 1: 72]. В этой сцене обмана (сколько их ещё потом будет!) неловкого, но искреннего Пьера расчётливым интриганом Друбецким сочувствие автора и читателя целиком на стороне первого.

Мы не можем не сопереживать и горячему антианглийскому настроению Безухова. При этом по тексту романа рассыпаны многочисленные указания на бытовую англomанию русского дворянства, впервые проявившуюся в России в период правления Екатерины II и особенно усилившуюся в царствование Александра I. Герои Толстого ездят на англизированных лошадях, посещают Английский (Аглицкий) клуб и праздники, которые по средам устраивает английский посланник, танцуют модные шотландские и английские танцы (экосезы и англезы), говорят по-английски, слушают музыку знаменитого ирландского композитора Дж. Филда (Фильда), долго жившего в России и умершего в Москве, лечатся у английских докторов, таких, например, как лейб-медик императора шотландец Я.В. Виллие (Вилье), покупают мебель с «аглицким секретом», разбивают в своих имениях английские сады. Но все эти тонкости, как правило, исчезают для современного читателя.

Авторская установка задана: англичане – интриганы, давно запятнавшие свои руки кровью других народов. С их претензиями на мировое господство, созданное благодаря самоубийственным междоусобицам европейцев и жителей других частей света, могут бороться лишь такие люди, как Долохов.

Претензии Толстого к Англии носят не только политический, но и глубокий идейный характер. Его не устраивают сами жизненные принципы существования островитян. В этом смысле очень важен отрывок о самоуверенности представителей главных западноевропейских наций, в т.ч. и англичан, неожиданно вставленный автором (с разрывом повествования) в первую часть третьего тома. Толстой пишет: «Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего государства в мире и потому, как англичанин, знает

всегда, что ему делать нужно, и знает, что всё, что он делает как англичанин, несомненно хорошо» [14: т. 3: 52]⁵. Здесь, с одной стороны, можно увидеть, как Толстой отдаёт дань уважения разумной и долговечной «благоустроенности» британского общества, солидной деловитости британца. (Больше всего писателя возмущает немецкая самоуверенность, потому что «немец... воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина» [14: т. 3: 52].) С другой стороны, прорываются нотки насмешки и горечи: а ведь в этом-то общественном механизме человек стал винтиком, имеющим значение только до тех пор, пока он нужен всей машине. Вытащи винтик из машины, и он сам по себе ничего значить не будет, и вся машина остановится. Живая душа народа, его тяга к новому неизведанному ещё миру добра и справедливости безжалостно губится механистической западной цивилизацией. (Эта идея пережила Толстого. В.В. Маяковский, побывав в 1925 г. в США, с «...восхищением... говорил о новой, индустриальной красоте Америки в те далёкие годы, когда электрификация нашей страны была ещё только замыслом... <...> Конечно, он думал при этом о роли художника, не отрицая необходимости технического прогресса... Маяковский понимал, что если не надеть на технику гуманистического намордника, то она искушает, загрызёт человека» [19: 47, 55]. Идея существует вплоть до наших дней и день сегодняшний даёт огромный материал для её развития.)

⁵ Ср. с определением самоуверенности русского: «Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь». Это сравнение самоуверенности представителей разных наций было сделано Толстым уже в черновиках романа. Предложение о самоуверенности англичанина осталось в окончательном тексте неизменным. А вот предложение о самоуверенности русского было короче и категоричнее: «Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет» [10: 604].

Копировать чужие достижения – это значит бессмысленно уродовать себя. Толстой не верил, что с введением в России западного государственного механизма (т.е. конституции) что-либо принципиально изменится. Он раздражался, когда умеренные либералы, в т.ч. и его сын Сергей Львович, пытались говорить о необходимости добиваться конституционных свобод. Толстой же считал, что только истинное христианство (как он его понимал), самоусовершенствование каждого человека может улучшить жизнь людей⁶. Для доказательства этой мысли он прибегал к парадоксу. «Конституционный подданный, воображающий, что он свободен, – писал Толстой, – подобен заключённому, воображающему, что он свободен, потому что может выбирать тюремщика. Люди конституционных государств утратили понятие свободы. Человек, живущий в деспотическом государстве – Турции, России, может быть более или менее свободен, хотя и подвержен насилиям власти, которую он не устанавливал, но член конституционных государств, всегда признавая

⁶ Американский историк Эрин Роу (доцент Университета Джона Хопкинса), занимаясь исследованием образа «чёрного святого» в католической агиографии Испанской Америки раннего Нового времени, выяснила, что клирики, ради доказательства тезиса о том, что чернокожие рабы могут стать настоящими христианами и даже святыми, объясняли прихожанам: лица таких святых после смерти белеют. «Создание чёрного святого... сыграло решающую роль в миссионерской деятельности духовенства на нескольких континентах и в развитии новой глобальной Церкви», – пишет она. – *Rowe E.K. After Death, Her Face Turned White: Blackness, Whiteness, and Sanctity in the Early Modern Hispanic World // The American Historical Review, 2016. Vol. 121, № 3 (June). P. 727-754 (цит. с. 754).* Т.е. для прихожан принципиальным было то, что чёрные христиане, прославившиеся святостью, после смерти хоть в чём-то превращаются в европейцев и это создаёт единство христианского мира. Если бы Толстому был известен такой факт, он, наверное, возмутился: и в загробном мире европейцы не хотят позволить не похожему на них человеку сохранить свою индивидуальность. Это было бы для него новым доказательством внутренней раздельности западной цивилизации.

законность власти, под которой находится, всегда раб» [цит. по: 13: 403-404].

С отрывком о самоуверенности англичан (граждан благоустроеннейшего государства в мире) непосредственно связано упоминание о такой знаменитой фигуре, как генерал Р.Т. Вильсон. (Вообще, Толстой не назвал ни одного выдающегося английского полководца эпохи наполеоновских войн – ни Нельсона, ни герцога Веллингтона). Вильсон был английским представителем (комиссаром) при штабе М.И. Кутузова во второй период войны 1812 г. В 1860–1862 гг. его племянник преподобный Г.Дж. Рэндолф издал несколько томов воспоминаний своего родственника о событиях 1812–1814 гг. Во всех этих сочинениях, естественно, утверждалось: главным победителем Наполеона I была Великобритания, а сам Вильсон – неутомимым проводником британской политики во всех странах (от мыса Доброй Надежды и Египта до России), куда его забрасывала судьба в период войн с «корсиканским чудовищем». При описании событий войны 1812 года генерал подробно рассказывал о взаимных конфликтах российских военачальников в первый период кампании, о медленности продвижения русской армии во второй её половине, о своей борьбе с Кутузовым, считая его вольным или невольным виновником спасения Наполеона, которого тот мог разгромить «сто раз до Березины» [21: 275].

Толстой читал мемуары Вильсона [1: 34, 151; 4: 731] и один раз сослался на них (не дав, правда, точного названия) в тексте романа [14: т. 4: 614]. Несмотря на критику, он в дальнейшем не внёс никаких изменений в текст, оставив лапидарное указание внизу страницы («Записка [?!] Вильсона») без всякого пояснения, кто это такой и почему он цитирует его слова. Толстому претила самоуверенность Вильсона, желание генерала всегда быть на первом плане, во всё вмешиваться, всем управлять и всем советовать. Для русского автора это был принципиальный антигерой, несмотря на всю храбрость и ненависть к Наполеону. Да и сам Наполеон Великий, с точки зрения писателя, – «...это ничтожнейшее орудие истории – никогда и нигде,

даже в изгнании, не выказавший человеческого достоинства...» [14:т. 4: 615].

С точки зрения Толстого, миром правят не великие державы, не политики, не государственные люди, а «господин Случай». А раз так, то ни одна страна, в т.ч. и Англия, не может претендовать ни на мировое политическое господство, ни на духовное лидерство среди прочих наций. Тем не менее, находятся русские люди, которые ведут себя как англичане, немцы или даже как азиаты. Все они однозначно являются для автора антигероями.

Белые руки, бледные лица и холодная душа: русские «англичане», «немцы», «азиаты»

Как отрицательный персонаж в романе представлен выдающийся государственный деятель и реформатор англоман М.М. Сперанский. Толстой рисовал образ и характер Сперанского по книге М.А. Корфа [6: 70-72, 74, 276 и др.], но, тем не менее, от описания Корфа образ оказался очень далёк [1: 116-120]. Уже первое появление Сперанского на страницах книги сопровождается крайне нелицеприятной характеристикой. Писатель отмечает самоуверенность его «неловких и тупых движений», полузакрытые и несколько влажные глаза, ничего не значащую улыбку (когда она исчезает, лицо много от этого выигрывает), тонкий, ровный, тихий голос, необыкновенную (болезненную) белизну лица и рук [14: т. 2: 546]. Он говорит тихо и учтиво, но каждая фраза выдаёт презрительное отношение к людям, которых он считает всего лишь послушными орудиями своей воли. К князю Андрею он проявляет несколько больший интерес, чем к другим, но это объясняется желанием подчинить его себе и также сделать своим адептом, членом узкого круга приближённых (*petitcomité*).

Главным свидетельством членства становится приглашение на обед в дом Сперанского перед новым (1810-м) годом. Начало года должно было ознаменоваться торжеством политики реформатора. В действие предполагалось ввести разработанные

им законы («конституцию», по выражению Толстого) и начать заседания нового органа (почти что парламента!) – Государственного совета. Поэтому Сперанский встречает князя Андрея как победитель. Но гость сразу чувствует фальшь в словах и поведении собравшихся в «паркетной столовой небольшого домика [у Таврического сада], отличавшегося необыкновенною чистотой (напоминающею монашескую чистоту) ...». Он пробует вступить в разговор, но неудачно. «...Всякий раз его слово выбрасывалось вон, как пробка из воды; и он не мог шутить с ними вместе. Ничего не было дурного или неуместного в том, что они говорили, всё было остроумно и могло бы быть смешно; но чего-то того самого, что составляет соль веселья, не только не было, но они и не знали, что оно бывает» [14: т. 2: 592-593]. Толстой рисует картину фальшивого представления, где либералы-западники ведут себя как куклы, заведённые и пущенные в пляс умелым механиком. Князь Андрей не хочет быть куклой и с облегчением покидает этот уютный театрик человеческой самоуверенности и тщеславия.

Дело тут даже не в личности Сперанского. Посетив его «дружеский кружок», Болконский полностью разочаровался в хозяине, но ещё больше разочаровался во «... всей своей деятельности, связанной с ним, и как мог он приписывать важность тому, что делал Сперанский» [14: т. 2: 592, 593]. Разочарование постепенно нарастало в его душе. Перелом совершился в тот миг, когда он накануне визита к Сперанскому на балу впервые танцевал с Наташей Ростовой. Естественность и искренность этой девушки, наполненной «внутренним счастьем», сделали его самого «ожившим и помолодевшим». Он начал мечтать о том, чтобы она стала его женой. Всё остальное (фальшивое, наносное) отошло на второй план [14: т. 2: 587, 588].

Обед у Сперанского стал скучен князю Андрею не столько потому, что хозяин дома предстал перед ним с новой стороны в семейной обстановке, а потому, что начал меняться сам князь Андрей. «...Ему стало совестно за себя. <...> Ему стало удивительно, как он мог так долго заниматься такую праздную рабо-

той» [14: т. 2: 594]. На следующий день он отправился к Ростовым и вновь увиделся там с Наташей. «Князь Андрей чувствовал в Наташе присутствие совершенно чуждого для него, особенного мира, преисполненного каких-то неизвестных ему радостей... После обеда Наташа, по просьбе князя Андрея, пошла к клавикордам и стала петь. <...> ...Князь Андрей... почувствовал неожиданно, что к его горлу подступают слёзы, возможность которых он не знал за собой. Он посмотрел на поющую Наташу, и в душе его произошло что-то новое и счастливое. Он был счастлив, и ему вместе с тем было грустно» [14: т. 2: 595]. По словам литературоведа Р.И. Хлодовского, одной из магистральных тем всего толстовского творчества является тема воскресения человека. Человечность же воскрешает музыка и поэзия [17: 315].

Сравнение фальшивого Сперанского и искренних Ростовых (особенно Наташи) очень показательно. Толстой принципиально отвергает возможность автоматического переноса достижений английской или французской цивилизации на русскую почву. Те, кто это делают, не люди, а механизмы, они не знают и не хотят знать души русского народа. В черновиках романа сохранилось рассуждение писателя о вреде насильственной прививки России западного опыта. С его точки зрения, правитель должен реформировать своё государство не с помощью масштабной ломки, а путём следования за потребностями народного (национального) духа, который не всегда в ладах с требованиями абстрактного «разума».

Примером самоуверенного русского, ведущего себя как немец⁷, является дипломат Билибин – секретарь посольства в Вене, с которым князь Андрей встречается в Брюнне после боя под Кремсом (30 октября [н.ст.] 1805 г.) и победы русских над войсками французского маршала Э.-А.-К. Мортье. Действительно, Билибин очень работоспособен («иногда проводил ночи за письменным столом»), но при этом его совершенно не интере-

⁷ В черновике романа немец-слуга Франц называет своего хозяина «герр фон-Билибин» [10: 220] и в памяти всплывает толстовская характеристика отвратительной немецкой самоуверенности.

сует конечный смысл работы, он трудится механически. Разговор Билибина остроумен и интересен, но это не отражение живой мысли и внимания к собеседнику, а заранее заготовленные «во внутренней лаборатории» остроумные законченные фразы, словечки, остро~~т~~ы (*les mots*), имеющие «общий интерес». Его жёлтое (в черновиках опять читаем: необыкновенной белизны [10: 221]) лицо, покрытое крупными морщинами (не лицо, а личина, если не сказать, маска), лучится (кривится) напускным весельем даже тогда, когда он произносит циничные речи про мизерное политическое значение кровавых побед «православного русского воинства» (последнее выражение произносится им в беседе с князем Андреем специально по-русски и с презрительной интонацией) [14: т. 1: 197-201]. Билибин – глава кружка молодых дипломатов, которых он называет *наши* (*les nôtre*), отделяя их и себя от всего остального человечества [14: т. 1: 202-205]. «Наши» – это с ужасом уловленное Толстым (он часто говорил о трагической «несообщительности» людей) в российской атмосфере 1850–1860-х гг. ощущение начала распада, атомизации общества, вступающего в эпоху бурного развития капитализма по западному образцу.

При всех своих «немецких» достоинствах дипломат Билибин в изображении Толстого крайне антипатичен. Писатель изображает его таким, поскольку относит к категории тех, кто считает себя вершителем человеческих судеб [14: т. 1: 210], к наполеонам, не понимающим, что они сами являются лишь игрушками в руках судьбы.

Толстой специально избрал фигуру дипломата, чтобы показать изолгавшегося самоуверенного человека. Андрей Болконский с холодностью покидает Билибина, как позже и Сперанского, чтобы отправиться в отступающую под натиском французов армию, и получает от первого презрительное напутствие: «Мой милый, вы – герой» (*Mon cher, vous êtes un héros*) [14: т. 1: 211]. Однако Толстой описал профессиональную маску (Билибин начал служить с 16 лет) как истинное лицо. Он сознательно остановился именно на таком впечатлении (извест-

но, что писатель несколько раз перерабатывал характеристику Билибина [5: 33]), не используя возможность по-другому раскрыть характер этого человека, с презрением относящегося к слащавому превозношению всего «русско-православного», шокирующего западных союзников. (В черновике сказано: «Во всём лице, фигуре его и звуке голоса, несмотря на утончённость одежды, утончённость приёмов и французского, изящного языка, которым он говорил, резко выражались черты русского человека» [10: 222].)

Билибин мог бы стать одним из положительных героев романа, но не стал. Он, подобно Сперанскому, нужен был автору, как образец фальши, уродующей душу человека, избравшего себе карьеру профессионального лжеца, как теневое отражение искреннего князя Андрея, отказавшегося от такой карьеры. Хуже Сперанского и Билибина в романе представлен только Долохов.

Долохов для Толстого – человек-зверь, человек-дьявол, не затронутый (или мало затронутый) европейской цивилизацией и поэтому похожий, скорее, на азиата. Исследователи уже отмечали коннотацию его фамилии со словом «холод». Вспомним, что в средневековой христианской традиции холод означал реальное присутствие дьявола (враг человечества одновременно обитает в холоде и наказан холодом) [11: 190].

Долохов в разговоре с Николаем Ростовым сам называет себя злым человеком. «Я никого знать не хочу, кроме тех, кого люблю; но кого я люблю, того люблю так, что жизнь отдам, а остальных предавлю всех, коли станут на дороге» [14: т. 1: 420]. Его ротный командир капитан П.И. Тимохин говорит о нём: временами «и умён, и учён, и добр», «а то зверь. В Польше убил было жида, изволите знать...» [10: 189]. (Одна фраза, но она даёт целую картину. Еврей-некомбатант явно ничем ему не угрожал и немотивированное убийство совершено просто «от злости».) О «дьявольском» характере образа Долохова свидетельствует также то, что в черновиках романа Толстой поселил его «в собственном доме у Николы Явленного со старушкой матерью и двумя незамужними сёстрами» (у дьявола нет и не мо-

жет быть отца, есть только мать или бабушка [«чёртова бабушка»] – перерождение образа языческой богини плодородия [11: 194]), а также планировал сделать владельцем «правильно устроенного» игорного дома в Москве, «...в котором [он] обманом обыгрывал молодых приезжих дворян и купцов» [10: 732, 747]. Во время Отечественной войны «...в Смоленске Долохов жжёт» дома [10: 760]. В Москве он, изображённый как фанатик-патриот и главарь шайки набранных им «молодцов», занимается тем же, планомерно уничтожая оставленный жителями город [3: 16]. Здесь опять мы видим слияние образа героя с образом дьявола, существующего в адском пламени.

В романе Долохов носит прозвище «Персиянин» (Dolochoff le Persan). Во время мирной жизни в Москве он появляется, одетый в персидский костюм [14: т. 4: 568]. В черновиках остался рассказ о бегстве Долохова в 1807 г. после очередного «приключения» в Грузию и о его возвращении в Москву в 1810 г., когда он явился к матери «в странном персидском одеянии» (варианты: «в черкесском платье», «в кафтане», «татуирован, он ездил вокруг света»). «Рассказывали, что он всё это время был в Грузии у какого-то владетельного князя министром, что он воевал там с персиянами, имел свой гарем, убил кого-то, оказал какую-то услугу правительству и был возвращён в Россию» [10:554, 747, 755, 757].

Таким образом, Долохов участвует, подобно своим антиподам – англичанам, в колониальных сражениях недалеко от главного владения Великобритании на Востоке – Индии. Не было бы ничего удивительного в том, если бы Толстой отправил Долохова в знаменитый «индийский поход» казаков, предпринятый в 1801 г. по приказу императора Павла I. Совместная с французами экспедиция, маршрут которой проходил через Персию, должна была сокрушить господство англичан на п-ове Индостан.

Отношение Толстого к Долохову не сразу стало отрицательным. Но по ходу действия романа образ героя, точнее говоря, антигероя, меняется, становясь всё более негативным [5: 25, 26, 32, 35]. Толстой на время «спасает» его, позволив после по-

вторного разжалования стать ополченцем 1812 года, т.е. влиться в гущу народа и, вместе с ним, бороться за правое дело [14: т. 3: 210-211]. Однако, как только Долохов получает в командование армейский партизанский отряд, он опять поворачивается лицом ко злу и крайне жестоко обращается с французскими пленными [14: т. 4: 553, 568-569, 590]. Эта черта «передана» автором Долохову от известного партизана Отечественной войны 1812 г. полковника А.С. Фигнера, утонувшего в Эльбе. Не сомневаюсь в том, что, если бы роман был доведён до 1813 г., жизнь Долохова окончилась бы точно так же. По христианской традиции, дьявола изгоняют с помощью святой воды.

Среди других возможных прототипов Долохова, давших ему имя и отчество, а также чуть изменённую фамилию, называли дальнего родственника автора романа гр. Ф.И. Толстого-Американца и сына героя Отечественной войны генерал-майора И.С. Дорохова Р.И. Дорохова – известного бретёра и поэта-дилетанта, друга Пушкина и Лермонтова – героически погибшего в бою с горцами. Но, наверное, кого бы ни назвали прототипом Долохова в романе, этот человек обязательно будет связан с Азией или с Новым Светом вообще. Такова была принципиальная установка автора – показать, как существование на девственной земле, среди диких народов «расцивилизовывает» европейца, делает его хуже, чем он был, когда жил среди себе подобных. Здесь Толстой изображает Робинзона наоборот и мы можем ужаснуться, представив, что такой дикарь будет делать, вернувшись на родину.

XIX в. породил слишком много подобных героев, готовых поставить на карту судьбу мира ради удовлетворения своего гипертрофированного честолюбия. Толстому необходимо было показать всю опасность и, в то же время, всё нравственное ничтожество европейских «дикарей». Думаю, не ошибусь, если скажу: с его точки зрения, для русского человека (европейца по воспитанию и мироощущению) галломания, англomanия или германофилия – опасная болезнь, но азиатчина – неизбежная смерть.

Настоящим героем Толстого становится народ, как он его себе представлял, и те представители дворянства, которые способны выразить дух народа. Недаром английский историк Орландо Файджес назвал свою книгу о русской культуре, начиная со средних веков и до XX в., «Танец Наташи» (Natasha's Dance). Книга начинается с толстовской сцены, когда юная графиня Ростова по наитию исполняет крестьянский танец [20. Introduction: XXV-XXVI]. Автор исследует противоречия между европейскими и народными элементами русской культуры, рассматривает то, как миф о «русской душе» и идея «русскости» выражались писателями, художниками, композиторами и философами.

По словам Формозова, в 1812 г. «...с редкостной силой проявился дух всего народа, что было крайне дорого для Толстого. Война, как момент пробуждения лучшего в русском народе, оказалась для эпопеи не менее важной, чем обычная мирная жизнь обычных рядовых людей в нормальной обстановке» [16: 221-222]. Толстой, полагал, что он, живя рядом с народом и в мире, и на войне, как никто знает, чего желает народ, чем он живёт, что его печалит и радует, чего он хочет достичь и от чего отказаться. Сам народ выразить это пока не может, значит, необходимую работу за него должен сделать писатель. Слова писателя-дворянина не может не услышать правящий дворянский слой. Услышав их, правители должны задуматься над тем, действуют ли они на благо народа, а, следовательно, на благо страны и самих себя. По какой дороге они идут? По своей собственной, или по той, что была им указана «западными учителями»? А если не по своей, то куда она их заведёт? Тогда не надо будет никакой войны, чтобы Англия и Франция мирно поглотили Россию?

Если встать на точку зрения Толстого, то мы убедимся в том, что величие поставленной им перед собой и перед читателями задачи заставляло его скептически относиться к историческим источникам, опровергавшим построения писателя-философа. Никакие документы, а, тем более, исторические сочинения не могли убедить его в неправильности избранного пу-

ти. Используя художественные методы, он задавался вопросом огромной важности: человек не знает, что будет завтра, но должен понять, что ему следует изменить в самом себе, чтобы оно всё-таки наступило для России и всего человечества. «Мы сочувствуем мысли великого писателя о роли народа и каждого рядового человека в событиях, совершавшихся в прошлом. Однако он говорил не только об этом, но и о бессмысленности анализа источников, о стихийном характере процессов, определявших судьбы человечества, их непредсказуемости и непознаваемости. Тут уж расхождения между художником и учёным становятся непримиримыми», – писал Формозов [16: 226]. Разочаровавшись в источниках, Толстой решил в своём изложении «...идти от психологии реального, а не выдуманного, поставленного на котурны человека» [16: 227].

В «Войне и мире» более пятисот действующих лиц, из них около двухсот исторических. Но на первом плане не реальные деятели эпохи, не Александр I, не Сперанский, не гр. А.А. Аракчеев, а рядовые люди. Это касается не только сцен семейной жизни, но и исторических эпизодов (например, капитан Тушин в сцене Шенграбенского сражения). Кутузов у Толстого – тоже, как ни странно, простой человек. «Персонаж чисто толстовский – естественный человек среди людей фальшивых (Бен[н]игсен, Вольцоген, Растопчин [так!])» [16: 230].

Исходя из этой идеи, Толстой полагал, что русский народ должен отказаться от порочной практики заимствования иностранного опыта, навязанной России Петром I. (Царь Пётр, как и другие представители неограниченной власти – Наполеон, Николай I, Шамиль, был антипатичен Толстому. «Все французские Людовики и Наполеоны, все наши Екатерины Вторые и Николаи I, все Фридрихи, Генрихи и Елизаветы немецкие и английские, несмотря на все старания хвалителей, не могут в наше время внушать ничего, кроме отвращения» [цит. по: 16: 214; об этом же см.: 1: 262-263, 271, 275-276]. Русские должны самостоятельно прокладывать себе дорогу в будущее, не ориентируясь

при этом на Британию, Францию, Германию или какую-либо другую страну.

Однако парадокс заключается в том, что при выработке своего мировоззрения писатель опирался в т.ч. на идеи выдающихся британских мыслителей XVIII – XIX вв., таких, как Д. Юм, Т. Карлейль, Т. Маколей, Г.Т. Бокль и Дж. Рёскин, много занимавшихся (с разных позиций) изучением духовных основ жизни нации. Что-то из их идейного наследия он воспринял, от чего-то отказался, над чем-то продолжал размышлять всю жизнь. Одно, по крайней мере, можно утверждать точно: роман «Война и мир» – это качественно новый уровень критического осмысления русским сознанием западноевропейского (в частности, британского) идейного опыта.

Такая важная умственная работа началась в России ещё со второй половины XVIII в. Через столетие она привела к появлению уникального русского мыслителя – Толстого. Духовной почвой для него, безусловно, является наследие Западной Европы, но вспахивает ниву он по-своему, засекает поле собственными мыслями и урожай собирает свой собственный. Этим он был и остаётся интересен России и Западной Европе, и всему остальному миру.

Призыв Толстого к тому, что правители должны, прежде всего, понять и принять дух своего народа, проникнуться национальным чувством, действовать так, чтобы не разрушать, а культивировать этот дух, причём ни в коем случае не пытаться навязать культуру своего народа иным народам, – все эти основные идейные постулаты русского писателя станут как никогда актуальны в XX в. – веке масс, массовой культуры и массового сознания. Начало XXI в. показывает, что в наше время наследие Толстого и в этом смысле продолжает оставаться живым и актуальным.

Путь Толстого (не в конкретном выражении, а в смысле направления движения) придётся пройти всякому мыслителю, желающему выработать свой оригинальный взгляд на цель и смысл человеческой жизни. Для любого образованного русского

Запад важен как зеркало, в котором он может лучше всего увидеть собственные достоинства и недостатки. Если зеркало исчезнет, Западу от этого хуже не станет. Но оно необходимо многим, потому что нравственные ориентиры, сформировавшиеся в течение веков на Западе, по-прежнему задают тон развитию значительной части человечества.

Литература

1. *Апостолов Н.Н.* Лев Толстой над страницами истории. Историко-литературные наблюдения. М., 1928. 296 с.
2. Афоризмы по иностранным источникам / Сост. П.[П.] Петров и Я.[В.] Берлин. 2-е изд. М., 1972. 480 с.
3. *Грузинский А.Е.* К новым текстам из романа «Война и Мир» // Новый мир, 1925, № 6, с. 3-19.
4. *Гусев Н.Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год / Отв. ред. А.И. Шифман. М., 1957. 915 с.
5. *Зайденишнур Э.Е.* Как создавалась первая редакция романа «Война и мир» // Первая завершённая редакция романа «Война и мир» // Литературное наследство. Т. 94 / Подгот. к изд. и вступ. ст. Э.Е. Зайденишнур. М., 1983, с. 9-66.
6. *Корф М.[А.], барон.* Жизнь графа Сперанского. Т. I. СПб., 1861. XVIII, 283 с.
7. *Лесскис Г.[А.]* Лев Толстой (1852–1869). Вторая книга цикла «Пушкинский путь в русской литературе». М., 2000. 640 с.
8. *Олеша Ю.[К.]* Ни дня без строчки // Олеша Ю.[К.] Избранное / Предисл. В.[Б.] Шкловского. М., 1987, с. 172-467.
9. *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. 368 с.
10. Первая завершённая редакция романа «Война и мир» // Литературное наследство. Т. 94 / Подгот. к изд. и вступ. ст. Э.Е. Зайденишнур. М., 1983. 792 с.

11. *Рассел Дж.Б.* Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества / Пер. с англ. И.Ю. Ларионова. СПб., 2002. 448 с.
12. *Тарле Е.В.* Пушкин и история. Публ. М.[В.] Нечкиной // Новый мир, 1963, № 9, с. 211-220.
13. *Толстая А.Л.* Отец. Жизнь Льва Толстого. В двух томах. М., 1989. 503 с.
14. *Толстой Л.Н.* Война и мир. [В 2-х кн.]. Т. 1-4. М., 1953. Т. 1-2. 764 с.; Т. 3-4. 781 с.
15. *Файф Ч.А.* История Европы XIX в.: В 3-х т./ Пер. М.В. Лучицкой; под ред. И.В. Лучицкого. Т. 1. С 1792 по 1814 г. М., 1889. 394 с.
16. *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука / Подгот. к изд. М.К. Трофимовой. [2-е изд.]. М., 2012. 272 с.
17. *Шкловский В.Б.* Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. 544 с.
18. *Хлодовский Р.И.* Необходимость прекрасного: О поренессансному гуманистических смыслах в рассказе «Люцерн» // Человек – Культура – История. В честь семидесятилетия Леонида Михайловича Баткина / Редкол.: М.Л. Андреев, А.Я. Гуревич, Е.П. Шумилова. М., 2002, с. 308-319.
19. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Кн. 2 // Эренбург И.Г. Собрание сочинений в восьми томах / Сост., подгот. текста И.И. Эренбург и Б.Я. Фрезинского. Т. 7. М., 2000. 862 с.
20. *Figes O.* Natasha's Dance. A Cultural History of Russia. L., 2003. XXXIV, 729 p.
21. *Wilson R.[T.]* Private Diary of Travels, Personal Services, and Public Events, during Mission and Employment with the European Armies in the Campaigns of 1812, 1813, 1814. From the Invasion of Russia to the Capture of Paris / Ed. by... H. Randolph. In two volumes. Vol. I. L., 1861. XVIII, 525 p.